

Это должно было выразиться в изменении «Основных законов» 1906 года. Таким образом, он полагал необходимым подготовку контрпереворота с целью утвердить в народе следующую мысль: «Всё сделано волей верховной власти и ничего не может быть сделано волей революции»¹⁷. Отвергая проект Блажчука, Тихомиров предлагал свой под названием «Положение о рабочих обществах» (33 статьи).

Эти предложения оказались востребованными не полностью, и винить за это Столыпина, как делал Тихомиров, нельзя. Премьер действовал в «рамках возможного», а экс-народоволец оставался «политическим идеалистом», верившим, что сильная личность с положительной программой преобразований способна в одиночку изменить всё. На страницах дневника Тихомирова сквозит недовольство Столыпиным: «С ним можно было многое сделать, если бы он хотел»¹⁸, — писал он 18 апреля 1908 года. При оценке эмоциональных и не всегда лестных для премьера дневниковых записей нужно учитывать, что Лев Александрович представлял собой тип глубоко, до мистицизма религиозного человека, склонного к провиденциализму. Совпадение его доклада, выхода в свет брошюры «О недостатках конституции 1906 года» и третьеиюньского переворота на некоторое время заставило его поверить в *особое* предназначение Столыпина и его самого.

Далёкий от жизни и политической элиты Лев Александрович в личных беседах с премьером не считался со сложившимися реалиями. Пребывая в убеждении, что страну спасёт сильная личность при царе, консерватор уверовал, что эта роль предназначена Петру Аркадьевичу, и примерял на него личину Бисмарка. Опытный чиновник и умелый руководитель Столыпин вызывал у Тихомирова-теоретика непонимание. Это были разные люди, но они нуждались в друг друга, при их общении возникала «творческая искра».

Кажущуюся медлительность премьера консерватор приписывал его нежеланию что-либо радикально менять. Отсюда и сомнения: «По-моему, если Столыпин *не тот* человек, какого нужно иметь, то такого человека ещё *совсем нет*, он ещё *не пришёл*. Ну а если он не приходит, то значит, Россия осуждена или на долгие годы гниения, или на новую революцию...» (запись от 16 декабря 1907 года)¹⁹.

15 июня 1908 года на приёме у Столыпина Тихомиров сделал доклад по рабочему вопросу: «Министр слушал *очень* внимательно. Просил... приготовить ему материал по рабочему вопросу, который... он проштудирует», но тут же отмечал, что «кажется, результатов из сего

не будет, т. к. ... мой план требует сосредоточения рабочего дела в министерстве внутренних дел, а Столыпин не расположен брать его из министерства торговли и промышленности»²⁰.

К середине 1908-го Тихомиров ещё не оставил попыток повлиять на Столыпина с целью продвижения своего проекта. В записке от 2 августа «О желательной постановке русской социальной политики в области рабочего вопроса», подготовленной на имя премьера, он давал экспертную оценку новым законопроектам по рабочему вопросу. Одобряя их в целом, Тихомиров вновь выдвигал идею об организации рабочих как сословия под эгидой государства. Он записал в дневнике: «Столыпин может схватывать *идею*, но страшно мало осведомлён по рабочему вопросу (что сам прекрасно знает), и уж не знаю, выйдет ли у нас толк» (8 сентября 1908 года)²¹. Лев Александрович чувствовал, что ситуацию он изменить не в силах, и служба в Петербурге в скором времени начала действовать на него угнетающе: «Что он намерен делать? Какое будущее себе рисует? От этого зависит не только участь его самого и России, но и моя. Может быть, он не тот, кто нужен, может быть, придёт кто-то другой? Но тогда мне с ним нечего делать, и я иду к своей кабинетной работе»²².

Брюзжал Тихомиров и по поводу невыполнения Столыпиным своих обещаний, главным из них было официальное зачисление его в штат Главного управления по делам печати. Здесь премьер сделал всё что мог и, приняв 10 февраля 1908 года Тихомирова, сказал о намерении назначить его членом Главного управления по делам печати, добавив: «Я буду, по крайней мере, спокоен, что не испортил вашей жизни»²³.

21 февраля Столыпин отправил всеподданнейший доклад о даровании Тихомирову чина статского советника, в котором дал своему протеже такую характеристику: «Обладая широким образованием и выдающимся литературным талантом, Тихомиров в своих историко-политических исследованиях выясняет с неопровержимой доказательностью особые условия развития русской государственности и возникновения и укрепления верховной царской власти. Значительное влияние на выработку русского политического идеала, выразителем которого является царь, оказало, по мнению Тихомирова, присутствие русскому народу глубокое религиозное чувство, этическое начало и особенности его социального быта... Тихомиров всю силу своего таланта направил на... научное обоснование русской государственности: заслуги его в этом отношении имеют несомненное значение.

Эти редкие способности и литературное дарование Тихомирова, в связи с приобретённым им опытом в вопросах публицистических, особенно могут быть полезны в занятиях Совета Главного Управления по делам печати и потому я признавал бы в интересах службы, необходимым назначить его Членом названного Совета...»²⁴

22 февраля император согласился с представлением премьера. Для Льва Александровича всё окрасилось в радужные тона. 26 февраля, после того как Столыпин официально известил его по телефону о назначении и производстве в статские советники, Тихомиров записал: «Да пошлёт Бог всякое благо Петру Аркадьевичу. Благороднейшая натура! Редко встретишь такую!»²⁵ Бывший народник удостоился личной аудиенции у Николая II, что является из всеподданнейшего доклада Столыпина от 17 марта²⁶.

Вскоре эйфория улеглась. Тихомиров хотел не только должности, звания, хорошего жалования, но и влияния²⁷. Особенно это касалось предложений, связанных с изменением уже действующих законов, в основном изданных под давлением революционной волны 1905–1906 годов. 29 августа 1908 года Лев Александрович не скрывал раздражения в своей записи: «Горе одно... Эта проклятая мразь, Третья дума, увязила Россию в болото и задушила все искорки света в душах. Какие ничтожные, противные люди. Увяз в болоте и Столыпин. В прошлом году он способен был писать манифест 3 июня и вызвать меня. Теперь влез в «работу»²⁸. Тяготило Тихомирова и то, что он не мог найти полного взаимопонимания со Столыпиным в попытках добиться изменения позиции императора в вопросах церковной политики.

Во второй половине 1908 года надеждам Тихомирова активно влиять на большую политику пришёл конец. Ситуацию разрешила скоростная смерть 14 декабря А. С. Будиловича, редактора-издателя «Московских ведомостей». Перед Львом Александровичем вновь встал вопрос о возможном редакторстве, тем более что отношения его с правыми в столице окончательно испортились. К тому же положение Столыпина в конце 1908 года было не столь прочным, как раньше, и он нуждался в поддержке своего курса в печати. Тихомиров во главе «Московских ведомостей» устраивал его больше, чем в качестве настырного инициатора проектов реформ.

22 декабря Столыпин участвовал вместе с В. Н. Коковцовым, А. Н. Шварцем, П. А. Харитоновым, А. В. Бельгардом и Тихомировым в особом совещании, посвящённом назначению редактора «Московских ведомостей»²⁹. Остановились на предложении